

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. Ломоносова

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра истории государства и права

Курсовая работа по теме

**«Институт «доверительной собственности» (trust) в английском праве
в XX – начале XXI в.»**

Выполнила студентка 103 группы

Серенкова Ирина Вадимовна

Научный руководитель:

ассистент кафедры

Денисов Дмитрий Сергеевич

Дата представления курсовой работы в учебный отдел:

«_____»___2021 г.

Дата сдачи научному руководителю: «_____»_____2021 г.

Дата защиты курсовой работы: «_»_____2021 г.

Оценка: _____

Москва, 2021 г.

Оглавление

Введение.....	3
Глава I. Юридическая природа института «доверительной собственности» и его развитие в XX веке	6
§1. Общая характеристика института «доверительной собственности» в английском праве.....	6
§2. Требования к форме («formalities»)	8
§3. Стандарт трёх фактов (“the three certainties”)	9
§4. Фиксированные (fixed) и дискреционные (discretionary), секретные (secret) и полусекретные (half-secret) трасты	11
§5. Прямые (express) и подразумеваемые (non-express) трасты	13
Глава II. Особенности правового регулирования института «доверительной собственности» в начале XXI века.....	18
Заключение	22
Список использованных источников и литературы.....	23

Введение

Развитие института траста (доверительной собственности), с точки зрения Ф.У. Мейтленда, является высшим достижением англичан в сфере юриспруденции¹, и для подавляющего большинства зарубежных авторов очевидна уникальность и самобытность конструкции траста². Однако возможность имплементации такого «продукта английского феодализма»³, как траст, в иные правовые порядки была и остаётся предметом бурных обсуждений в странах романо-германской правовой семьи.

Так, проблема регулирования доверительной собственности является актуальной в контексте введения конструкции наследственного фонда в РФ⁴. Для понимания данного института полагаю возможным обратиться к опыту эволюции траста в английском праве, поскольку очевидно, что, заимствуя определённую концепцию из чужого правового порядка в свой, законодатель, безусловно, не может заимствовать образ мышления иностранных правоведов.

Выдвинутая отечественным законодателем идея не нова: в Германии существует «*Treuhand*», во Франции и Канаде – «*fiducie*». Однако подобные конструкции являются лишь аналогами английского траста («*trust-like devices*»⁵ или «*trust-like mechanisms*»⁶), что ещё раз подчёркивает исключительность анализируемого института⁷.

---

¹ Maitland F.W. Maitland: State, Trust and Corporation. Edited by David Runciman and Magnus Ryan. Cambridge University Press, 2003. P. 77.

² Scott A.W. The Trust as an Instrument of Law Reform. The Yale Law Journal, vol. 31, no. 5, 1922. P. 468.

³ Дождев Д.В. Международная модель траста и унитарная концепция права собственности // Человек и его время: Жизнь и работа Августа Рубанова / Сост. и отв. ред. О.А. Хазова. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 254.

⁴ Законопроект № 801269-6 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/801269-6> (дата обращения: 23.01.2021).

⁵ Wilson W.A. Trust and Trust-like devices. United Kingdom National Committee of Comparative Law, 1981.

⁶ Gvelesiani I. Trust-like mechanisms – effective tools for boosting the competitiveness of the EU – theoretical and terminological insights. CES Working Papers. 2017; 9 (3): pp. 313-330.

⁷ Здесь позволю себе не согласиться с позицией, которой придерживается итальянский компаративист М. Лупой. По его мнению, сам факт существования трастов в странах континентального права, цивилистических юрисдикциях (civil law countries) доказывает, что нет принципиальной несовместимости института траста со структурами гражданского права (Lupo M. The civil law trust. Vanderbilt Journal of Transnational Law 32, no. 4 (1999): 967. Gale General OneFile. URL: <https://link.gale.com/apps/doc/A58118603/ITOF?u=heic&sid=ITOF&xid=771d1911>).

В рамках данного исследования будет определена правовая природа различных видов трастов в исторической ретроспективе периода XX – начала XXI века. Внимание автора акцентируется на установлении особенностей института «доверительной собственности» в английском праве, которые не позволяют механически перенести его в иные правовые порядки и тем самым отличают от смежных конструкций в западных юрисдикциях.

Методологическую основу исследования составляют исторический метод и метод сравнительного правоведения. Так, исторический метод позволяет, не сводя работу к простому пересказу релевантной зарубежной литературы, посмотреть на опыт предыдущих поколений, выявить причины появления тех или иных видов трастов и специфику их применения. Помимо этого, благодаря историческому методу возможно предотвратить те проблемы, с которыми столкнулись юристы в прошлом, поскольку общественные отношения в определённой мере стабильны: вне зависимости от изменения условий они существуют во все времена. Применённый в работе сравнительно-правовой метод даёт возможность критически оценить аналоги траста, существующие в отечественном и иных правовых порядках.

Литературный обзор. Вопросы развития института «доверительной собственности» в английском праве были детально рассмотрены в работах Д.Э. Пеннера⁸, Г. Моффата⁹, М. Грациадера¹⁰ и др. Особо важно выделить работу Ч. Митчелла, посвящённую сложности восприятия отдельной классификации трастов¹¹. Дискуссионный вопрос о целесообразности имплементации траста в

Такое утверждение представляется неверным в силу того, что конструкции, именуемые по аналогии с английским правом «трастами» и существующие в странах романо-германской правовой семьи, не являются исконным английским институтом, а потому не могут быть названы трастами как таковыми.

⁸ Penner J.E. The Law of Trusts. Oxford University Press, 2016.

⁹ Moffat G. Trusts Law: text and materials. Cambridge, 2005.

¹⁰ Graziadei M., Mattei U., Smith L. Commercial trusts in European private law. Cambridge University Press, 2005.

¹¹ Mitchell C. Constructive and Resulting trusts. Oxford: Hart Publishing, 2010.

иные правовые порядки (Квебек, Луизиана, Израиль, Китайская Народная Республика, Франция) исследуется Л. Смитом¹².

В отечественной литературе на данный момент мы не видим, к сожалению, актуальных работ, отличающихся подобной глубиной исследования проблематики данного правового института. Большинство авторов пытается найти место для конструкции траста в современной российской действительности¹³, при этом некоторые правоведы даже утверждают об успешном освоении института траста современным континентальным правом¹⁴; часть работ постепенно теряет актуальность в условиях развития и усложнения имущественного оборота¹⁵.

---

¹² Smith L. *Re-Imagining the Trust: Trusts in Civil Law*. Cambridge University Press, 2012.

¹³ См., например: *Беневоленская З.Э.* Доверительное управление имуществом в сфере предпринимательства: монография. – Москва: Проспект, 2017. – 304 с.; *Ершов В.А.* Траст и доверительное управление имуществом: сравнительно-правовой и практический анализ. – Москва, 2009. – 168 с.

¹⁴ Рыбалов А.О. *Право собственности (комментарий к ст. 209 ГК РФ)* [Электронное издание]. – М.: М-Логос, 2017. С. 5.

¹⁵ См., например: *Нарышкина Р.Л.* Доверительная собственность в гражданском праве Англии и США / Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы. Кафедра гражданского и уголовного права; Р.Л. Нарышкина. – М., 1965. – 37 с.; *Турьшев П.В.* Траст и договор доверительного управления имуществом: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03. – Москва, 1997. – 162 с.

Глава I. Юридическая природа института «доверительной собственности» и его развитие в XX веке

§1. Общая характеристика института «доверительной собственности» в английском праве

До сих пор у правоведов возникают разночтения по поводу дефиниции института траста. Так, представляется, что некоторые авторы¹⁶ ошибочно считают английский траст обязательством (obligation)¹⁷.

Опираясь на определение, сформулированное в Black's Law Dictionary¹⁸, можно отметить, что траст – это характерный институт права справедливости (law of equity). Субъектами правоотношения, возникающего по поводу траста, являются учредитель (settlor of trust), доверительный собственник (trustee) и выгодоприобретатель (beneficiary). Учредитель организует траст, то есть абстрактно отделяет некоторое имущество от своей личности и передаёт его в управление доверительному собственнику, который имеет право распоряжаться данным имуществом в пользу третьего лица – выгодоприобретателя.

Любопытно, что юристы из стран континентального права часто говорят о трасте в единственном числе, тогда как родоначальники данного института используют термин «trusts»¹⁹, что подчёркивает такую особенность английского стиля юридического мышления, как отсутствие стремления к генерализации и унификации конструкций: представляется, что, прекрасно понимая силу закреплённых на бумаге норм, английские юристы не формируют для самих себя некий ограничитель. Таким образом, институт английского траста мыслится как

---

¹⁶ См., например: *Underhill A. Law of trusts and trustees. London, 1959*; *Беневоленская З.Э. Доверительное управление имуществом в сфере предпринимательства: монография. – Москва: Проспект, 2017. – 304 с.*

¹⁷ О трасте как вещно-правовой конструкции см. главу II.

¹⁸ *Garner B.A. Black's Law Dictionary / ed. by Bryan A. Garner. – Ninth Edition. – West. A Thomson Reuters business, 2009. – P. 1647.*

¹⁹ *Howard C. Trust Funds in Common Law and Civil Law Systems: A Comparative Analysis. University of Miami International & Comparative Law Review, vol. 13, no. 2, 2005. P. 346.*

многообразный по выполняемым функциям²⁰. В этой связи Дж.Л. Греттон пишет о том, что невозможно выделить конкретную, чётко определённую функцию трастов, что позволяет говорить об этом институте как о функционально изменчивом (protean)²¹.

Высказывается мнение, что конструкция трастов часто использовалась в качестве средства уклонения от закона²². Без сомнения, право динамично, оно развивается, и определённые институты, регулирующие имущественные отношения, могут быть использованы в рамках злоупотребления. Однако общество не отменяет практичности таких конструкций, созданных для потребности оборота. Результатом этого является изменение подходов в разрешении споров, связанных с институтом траста.

До конца XIX века институт траста не был окончательно урегулирован на уровне законодательства. Так, только в 1893 году был издан Закон о доверительной собственности (Trustee Act).

Несмотря на отсутствие единого мнения относительно определения института траста, попытка указать перечень присущих ему признаков была предпринята на Гаагской Конференции 1 июля 1985 года, результатом которой стало принятие Конвенции «О праве, применимом к трастам и их признании»²³. Безусловно, определение, данное в ст.2 настоящей Конвенции, представляется слишком широким и, возможно, содержит даже стремление объединить взгляды английских юристов и их континентальных коллег, предоставляя возможность включить и гражданско-правовые конструкции в категорию траста.

---

²⁰ Lepaulle P. Traite the orique et pratique des trusts en droit interne, en droit fiscal et en droit international. Paris, 1932, ch. 2 (цит. по: Graziadei M., Mattei U., Smith L. Commercial Trusts in European Private Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 10).

²¹ Gretton G. Trusts without Equity. International and Comparative Law Quarterly, vol. 49, 2000. P. 599.

²² Scott A.W. The Trust as an Instrument of Law Reform. The Yale Law Journal. Vol. 31, No. 5, 1922. P. 458.

²³ URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/specialised-sections/trusts>.

§2. Требования к форме («formalities»)

С принятием Statute of Frauds в 1677 году был закреплён принцип необходимости соблюдения письменной формы при создании «прямых» трастов (express trusts)²⁴, что могло приводить к свойственному праву справедливости и являющемуся ключевым для него явлению, именуемому “fraud”. Например, вполне возможна ситуация, при которой учредитель траста соблюдал требования относительно формы в акте передачи имущества (act of transfer), но в акте учреждения (act of creation) траста наблюдался порок формы, в результате чего доверительный собственник мог претендовать на переданное ему имущество²⁵.

Однако в 1897 году Апелляционный суд рассмотрел дело Rochefoucauld v. Boustead²⁶, в котором подверг сомнению норму о требовании к форме, поскольку оно являлось средством совершения обмана (instrument of fraud). Как известно, к этому времени судами уже давно признан принцип, согласно которому закон не может быть использован в качестве средства совершения обмана²⁷. Ответчик по делу устно дал согласие на передачу ему как доверительному собственнику в управление земельного участка. Правоотношение не было оформлено письменно, однако, поскольку со стороны ответчика было бы обманом (fraud) «прикрываться» нормой о надлежащей форме, траст был признан созданным. Одно из ярких и показательных решений в XX веке о достаточности устного выражения намерения было вынесено Апелляционным судом в 1977 году по делу *Paul v. Constance*²⁸. Суд признал наличие траста, поскольку мистер Констанс неоднократно устно заявлял своей супруге: «Деньги в равной степени

---

²⁴ Statute of Frauds 1677, s.7.

²⁵ Что касается обратной ситуации (акт, посредством которого осуществляется передача имущества, не оформлен письменно, тогда как акт о создании траста порока формы не имеет), М. Лупой пишет в таком случае о невозможности последнего оказывать правовое влияние: «...the act by which the trust was created has no effect». Интересна метафора, которую приводит автор работы: «Право справедливости позволяет легко перейти из мира common law в свой, но как только переход совершён, он требует, чтобы формальные требования были соблюдены» (Lupoi M. *Trusts: a Comparative Study*. Cambridge University Press, 2001. P. 98).

²⁶ Rochefoucauld v. Boustead [1897] Ch 196 (CA).

²⁷ In Re Duke of Marlborough; Davis v Whitehead [1894] 2 Ch 133, 141 per Stirling J.

²⁸ Paul v. Constance [1977] 1 WLR 527.

как твои, так и мои». Таким образом, доказательство наличия у учредителя намерения создать траст позволяет признать существование траста²⁹.

§3. Стандарт трёх фактов (“the three certainties”)

Для подтверждения создания траста применяется так называемый стандарт трёх фактов, разработанный судьёй Лонгдейлом в 1840 году³⁰.

Представляется, что есть две основных причины, требующие определённости в создании траста: во-первых, отношения по поводу траста могут быть весьма обременительны, поэтому важно не допустить наложения траста в ситуации, где он не был предназначен, а во-вторых, необходимо, чтобы суд мог контролировать данное правоотношение.

Три безусловных факта, подтверждающих создание траста, включают в себя определённость намерения создать траст (intention), определённость переходящего в траст имущества (subject matter of the trust) и определённость бенефициаров (objects of the trust).

Особая сложность для английских судов возникает именно при определении наличия намерения. Так, пожелания (precatory words), к которым обычно относят слова просьбы («request»), надежды («hope»), стремления («desire»)³¹, не являются бесспорным основанием создания траста. Удачным сравнением будут два дела, рассмотренных с разницей почти в 20 лет – *Re Adams and Kensington Vestry*³² и *Comiskey v Bowring-Hanbury*³³. В первом случае слова «в полной уверенности» («in full confidence») не создавали траст, а представляли собой дарение (супруг передал имущество жене «в полной уверенности, что она поступит правильно в отношении распоряжения данным имуществом между

---

²⁹ См. также: *Jones v. Lock* [1865] LR 1 Ch App 25; *Richards v. Delbridge* [1874] LR 18 Eq 11.

³⁰ *Knight v. Knight* [1840] 3 Beav 148, per Lord Longdale.

³¹ См., например, дело *Diggles, Re* [1888] 39 Ch D 253, где слово «desire» не создавало траст.

³² *Adams and Kensington Vestry, Re* [1884] 27 Ch D 394, CA.

³³ *Comiskey v Bowring-Hanbury* [1905] AC 84, HL.

моими [супруга] детьми»³⁴). Во втором же – считалось, что правоотношение по поводу траста возникло: супруг передал имущество жене «в полной уверенности, что в случае её смерти она завещает имущество одной или несколькими моим [супруга] племянницам на своё усмотрение»; если она не сделает этого, то указывалось, что имущество должно быть разделено поровну между всеми племянницами. Таким образом, подход судов заключается в рассмотрении значения слов, взятых в целом, а не изолированно.

Что касается имущества, то, бесспорно, основным требованием, предъявляемым к нему, является определённость, поскольку бессмысленно создавать траст, демонстрируя чёткость в намерении, если неизвестно, какое имущество переходит в траст. Ещё в середине XIX века это было продемонстрировано в решении по делу *Palmer v. Simmonds*³⁵, согласно которому конструкция «большая часть моего имущества» («the bulk of my estate») была признана слишком неопределённой и, следовательно, не удовлетворяющей стандарту трёх фактов. Любопытным примером является, например, недопустимость создать траст в отношении неопределённого числа бутылок с вином на складе³⁶. В конце XX века данный стандарт будет уточнён: определение имущества с достоверностью становится обязательным только для материально выраженных объектов, тогда как акции, допустим, не требуют этого³⁷. Вопрос субъективного и объективного при определении объёма прав выгодоприобретателя в XX веке ярко отражён в деле *Re Golay's will trusts*³⁸, рассмотренном Апелляционным судом в 1965 году. В распоряжении завещатель указал лицо, получившее право жить в квартире завещателя и получать «разумный доход» от иного имущества. Сложность возникала в том, является ли достаточно точным намерение учредителя траста, проявившееся в формуле

---

³⁴ «...in full confidence that she will do what is right as to the disposal thereof between my children ...».

³⁵ *Palmer v. Simmonds* [1854] 2 Drew 221.

³⁶ *London Wine Co. (Shippers) Ltd, Re* [1986] PCC 121, HC.

³⁷ *Hunter v. Moss* [1994] 1 WLR 452.

³⁸ *Golay, Re* [1965] 1 WLR 969.

«разумный доход». Судья определил, что данное выражение действительно является достаточно чётким критерием (yardstick), который не может считаться субъективным. Особо подчёркивается, что перед судом не стояло задачи выяснить точно, что, по мнению завещателя, понималось под «разумным доходом» (субъективный критерий). Напротив, судья должен выявить, что объективно могло пониматься под «разумным доходом» (объективный критерий). Следовательно, несмотря на смену тенденций при определении наличия намерения, объективность критерия и в XX веке является превалирующим принципом, определяющим объём прав выгодоприобретателя.

Вопрос определённости бенефициаров зависит от типа траста. Так, в благотворительных (charitable) трастах вообще нет бенефициара как такового, поэтому достаточной признаётся формулировка с указанием на благотворительные цели («charitable purposes»), тогда как private trusts создаются в пользу определённого лица или группы лиц.

Несмотря на существующий стандарт трёх фактов, траст должен также подлежать реализации, то есть быть действенным (effective). Данная категория включает в себя реальную возможность исполнения на практике, а также возможность судебных органов осуществлять контроль за соблюдением условий правоотношения, основанного на трасте. Так, в 1986 году один из трастов был признан неисполнимым («administratively unworkable»), поскольку число бенефициаров, хотя они и были определены, слишком большое, в результате чего суд не может контролировать использование переданных в траст денежных средств³⁹.

§4. Фиксированные (fixed) и дискреционные (discretionary), секретные (secret) и полусекретные (half-secret) трасты

---

³⁹ R v District Auditor No 3 Audit District of West Yorkshire MCC [1986] RVR 24.

В зависимости от критерия определённости бенефициаров важно видеть различие между фиксированными (fixed) и предполагающими свободу усмотрения (discretionary) трастами. Примером последних является ситуация по делу *McPhail v. Douulton*⁴⁰, в котором бенефициарами признавались действующие сотрудники компании вместе с ранее работавшими лицами, их родственниками и иждивенцами. Судьёй Уилберфорсом был сформулирован тест на определённость бенефициаров траста, более известный как «individual ascertainability test» или «is or is not test»⁴¹. Ключевой вопрос данного теста – можно ли однозначно говорить о том, является ли рассматриваемое лицо членом определённой категории лиц. Исходя из фабулы, невозможно перечислить всех выгодоприобретателей (например, всех родственников-членов семей работников компании), однако возможно с уверенностью сказать, является ли конкретное лицо таковым. Так, формулировки «старый приятель», «лица, которым я обязан», «лучшие друзья» не будут отвечать требованиям данного теста, поскольку нельзя однозначно сказать, что подразумевается под таким «каучуковым» понятием. Напротив, назначение в качестве бенефициаров, например, двоюродных братьев допустимо, так как можно с полной определённой утверждать, является ли конкретный человек двоюродным братом.

Фиксированный же траст требует исчерпывающего списка лиц, для выгоды которых создаётся траст. Если управляющий трастом сомневается в отношении того, является ли лицо бенефициаром, то траст признаётся недействительным⁴².

Большое количество дел, в которых английские суды не находят определённости бенефициаров, порождает вопрос: а прослеживается ли различие между неопределённостью выгодоприобретателей в том или ином случае? Представляется, что это возможно; и особый подход здесь выработан в

---

⁴⁰ *McPhail v. Douulton* [1971] AC 424 HL.

⁴¹ Позднее он будет применён, например, в деле *Baden's Deed Trusts (No. 2)*, Re [1973] Ch 9, CA.

⁴² *IRC v. Broadway Cottages Trust* [1955] Ch 20, 29, per Jenkins L.J.

1973 году в деле *Re Baden's Deed Trusts (No. 2)*, где разграничиваются концептуальная и доказательственная неопределённости. Так, приведённая выше конструкция «старый приятель» представляет собой пример концептуальной неопределённости, так как сама по себе концепция дружбы не может быть определена точно. Пример же с братьями-бенефициарами является иллюстрацией доказательственной неопределённости, так как, хотя может возникнуть сложность в установлении родства, этот факт доказуем.

Деление на секретные и полусекретные трасты зависит от формулировки завещания: сообщено ли в нём о существовании траста и раскрыты ли его детали. Так, если о трасте не сказано вообще, мы имеем дело с секретным трастом. В случае же, когда траст упоминается⁴³, но не раскрываются подробности, можно говорить о полусекретном трасте. Обычно институт секретного траста применяется для того, чтобы оставить то или иное имущество лицам, о существовании которых не знают близкие наследодателя. Ярким примером обоих типов является дело *Rawstron v. Freud*⁴⁴, рассмотренное в 2014 году, где формулировка завещания указывала на существование секретного траста, хотя данное завещание отменило более раннее, где речь шла о полусекретном трасте.

§5. Прямые (express) и подразумеваемые (non-express) трасты

Одной из классификаций трастов является их деление по критерию механизма возникновения на прямые или явные (express) и непрямые или подразумеваемые (non-express или implied). Если прямые трасты создаются в соответствии с выраженным намерением учредителя передать имущество в доверительную собственность, то термин «implied trusts» включает в себя результирующие (resulting), конструктивные (constructive) и возникающие в силу указания закона (statutory) трасты.

---

⁴³ Достаточным доказательством существования полусекретного траста может быть даже слово «цели» («purposes»). См., например, *Blackwell v. Blackwell* [1929] AC 318.

⁴⁴ *Rawstron and another (Executrices of the Estate of Lucian Freud) v. Freud* [2014] EWHC 2577 (Ch).

Стоит отметить, что если существует чёткое разделение между прямыми трастами, с одной стороны, и подразумеваемыми, с другой, то соотношение каждого из перечисленных выше видов является предметом дискуссии правоведов. Например, несмотря на большое количество сторонников выделения результирующих трастов в отдельную категорию, существует и диаметрально противоположная точка зрения, отождествляющая «resulting trusts» и «implied trusts»⁴⁵. Так, в качестве одного из высказываний для экзамена в рамках дисциплины «Equity and Trusts» предлагается обосновать или опровергнуть позицию, что результирующие трасты представляют собой пёстрое собрание («rag-bag») различных ситуаций, не имеющее чётких принципов для их объяснения⁴⁶.

Сама по себе идея, лежащая в основе результирующих трастов, выглядит странно, на первый взгляд: имущество передаётся другому лицу, но выгода, получаемая обычно бенефициаром, возвращается к учредителю, создавшему траст. Иными словами, выгодоприобретатель совпадает с учредителем траста. Другим примером результирующего траста является ситуация, когда учредитель передал имущество доверительному собственнику, но не указал бенефициара и впоследствии скончался. Таким образом, автоматически возникает конструкция, при которой доверительный собственник будет владеть имуществом в интересах наследников независимо от того, было ли у умершего учредителя такое намерение.

До сих пор возникают разночтения по поводу объяснения природы результирующих трастов. В 1974 году в деле *Re Vandervell's Trusts (No. 2)*⁴⁷ судья Дж. Мегарри разграничил 2 типа результирующих трастов: автоматический (automatic), который никак не связан с намерениями учредителя, и презюмируемый (presumed). Для последнего характерна передача собственности

---

⁴⁵ Costigan, G. The Classification of Trusts as Express, Resulting, and Constructive. Harvard Law Review, vol. 27, no. 5, 1914. P. 456.

⁴⁶ Duddington J. Law Express: Equity and Trusts. Pearson, 2019. P. 100.

⁴⁷ Vandervell's Trusts (No. 2), Re [1974] Ch 269, CA.

без обещания или дачи взамен, и Дж. Мегарри полагает, что в таком случае траст возникает из предполагаемого намерения учредителя. Однако некоторые исследователи отмечают, что название «автоматический» не совсем корректное, поскольку едва ли какая-либо конструкция в праве создаётся автоматически, а в данном случае речь идёт скорее о возникновении траста по решению суда⁴⁸.

Вопрос о природе результирующих трастов невозможно рассмотреть без упоминания принципа «чистых рук»: тот, кто обращается в суд по праву справедливости, должен прийти с чистыми руками⁴⁹. Если ранее считалось, что оформление приобретённого имущества на третьих лиц незаконно и признание результирующего траста в таком случае невозможно, то в XX веке наблюдается новое понимание данной доктрины и, соответственно, изменение подхода к решению споров. Так, знаковым является рассмотренное в 1994 году дело *Tinsley v. Milligan*⁵⁰: лица купили на совместные сбережения дом на набережной, однако он был оформлен исключительно на Тинсли, чтобы Миллиган могла получать жилищное пособие из-за отсутствия зарегистрированного на неё недвижимого имущества. Стороны извлекали доходы от сдачи дома в аренду. Впоследствии ответчик потребовала признания права собственности, продажи дома и раздела поровну вырученных денег. Позиция истца основывалась на принципе «чистых рук», но суд признал наличие результирующего траста, поскольку ответчик вложила свои деньги в покупку дома, а истец знала о цели оформления имущества исключительно на имя Тинсли. Позднее, в деле *Lawson v. Coombes*⁵¹ суд постановил, что любое лицо вправе обращаться к нормам права справедливости при защите своих интересов, если основание иска законно. Согласно фабуле дела истец и ответчик приобрели гостиницу на имя одного лица, чтобы другой избежал уплаты страховых взносов. Но, прекратив

---

⁴⁸ Swadling W. Explaining resulting trusts. 124 Law Quarterly Review, 2008.

⁴⁹ «who comes to equity must come with clean hands».

⁵⁰ *Tinsley v. Milligan* [1994] 1 AC 340, HL.

⁵¹ *Lowson v Coombes* [1999] Ch 373

совместное ведение дел, формальный собственник гостиницы обратилась в суд с требованием передать ей имущество во владение. В ответ на это был подан встречный иск с требованием признания траста. Первоначальный истец, подчеркнув, что титул собственности по праву справедливости возник при незаконных обстоятельствах, заявила о невозможности признания. Было признано, что собственник имущества по праву справедливости может требовать признания права, если само его требование не основано на обстоятельствах, противоречащих закону.

Относительно конструктивных трастов высказывается точка зрения, что они возникают на основании судебного толкования⁵². На мой взгляд, эта формулировка не является верной, так как суд изначально не создаёт траст, а толкует (*to construe*) его исходя из уже известных обстоятельств. Отличие от иных трастов заключается в том, что такой траст возникает против воли доверительного собственника, который обычно отрицает наличие траста. В определённой мере можно говорить о том, что конструктивный траст представляет собой некий способ привлечения лица к ответственности. Представляется логичным его сравнение с институтом неосновательного обогащения в континентальной модели. Так, пример конструктивного траста представлен в решении по делу 1993 года, рассмотренному Судебным Комитетом Тайного Совета. Государственный чиновник, получив в качестве взятки денежные средства, приобрёл недвижимость в Новой Зеландии. Суд признал, что лицо владело этой недвижимостью в качестве доверительного собственника Английской короны⁵³. Учитывая, что конструктивный траст возникает даже в подобной ситуации, нельзя не заметить их широкое распространение.

Трасты, возникающие в силу указания закона (*statutory trusts*), требуют наличия определённых условий, отражённых в законодательных нормах. Так,

---

⁵² Паничкин В. Б. *Англо-американское трастовое право: монография.* – Москва: Проспект, 2020. С. 198.

⁵³ *Attorney General for Hong Kong v Reid (New Zealand) (UKPC) [1993].*

например, согласно Law of Property Act 1925 года, обязательно создание траста в отношении недвижимого имущества, если таковое передаётся по наследству в собственность нескольким лицам, в том числе и несовершеннолетнему.

Но во второй половине XX века наблюдается и другая тенденция – расширение прав доверительного собственника в вопросах инвестирования трастовых фондов. Так, Trustee Investments Act от 1961 года допускает возможность разделения фонда на части, обладающие «узким» и «широким» кругом прав. Если первую часть допустимо вкладывать только в те банки и ценные бумаги, перечень которых является закрытым, то пределы вложения второй части в целом не ограничены: это могут быть любые инвестиционные фонды и ценные бумаги.

Глава II. Особенности правового регулирования института «доверительной собственности» в начале XXI века

В XXI веке наблюдается изменение подходов к институту траста. Во-первых, доктринально претерпел изменения вопрос юридической природы института траста. Так, в начале XXI века Р.Х. Ситкофф заявил о новом подходе к трасту как институту организационного права (*organizational law*), регулирующего правоотношения, связанные с корпорациями, обществами с ограниченной ответственностью, товариществами и, в том числе, трастами⁵⁴.

Во-вторых, динамика в подходах английских судей в начале XXI века, без сомнения, затронула стандарт трёх фактов. Ярким примером будет рассмотрение в 2008 году дела *Wallbank and Wallbank v. Price*⁵⁵. Аргумент стороны истца заключался в том, что слово «*should*» не могло являться основанием создание траста, т.к. было лишь пожеланием. Однако суд не согласился и предложил иную трактовку, посчитав достаточность выражения намерения учредителя траста. Иными словами, было применено расширительное толкование с опорой на дело *Paul v. Constance*, рассмотренное ещё в 1977 году.

1 февраля 2001 года вступил в силу Закон о доверительных собственниках, принятый в 2000 году (*Trustee Act 2000*). Рассмотрим нормы, изменившие подход к институту траста. Так, в ст.1 Закона на законодательном уровне закреплена обязанность доверительного собственника проявлять такую степень заботливости, которую следует ожидать в силу его опыта, профессии. Поскольку очевидно, что категория заботливости является весьма неопределённой, законодатель ориентируется на более объективные критерии – опыт, профессию, навыки. Подобная позиция была высказана ранее в деле *Speight v Gaunt*⁵⁶ в 1883

---

⁵⁴ Sitkoff R.H. *Trust Law as Fiduciary Governance Plus Asset Partitioning in The Worlds of the Trust* (L. Smith ed., 2013). P. 428.

⁵⁵ *Wallbank and Wallbank v. Price* [2008] 2 FLR 501.

⁵⁶ *Speight v Gaunt* [1883] UKHL 1.

году, однако спустя более чем столетие она была закреплена уже законодательно.

Далее, Закон допустил назначение агентов для управления и хранения имущества, переданного в траст, а также предусмотрел ответственность доверительного собственника за их действия. Сравнивая, отметим, что в Законе о доверительных собственниках 1925 года назначение агента было возможным при его безусловном добросовестном поведении, однако ответственность на доверительного собственника не могла быть наложена.

Вопрос о возможной выплате вознаграждения доверительному собственнику также был решён новым Законом, в результате принятия которого был устранён существовавший ранее запрет требовать вознаграждение. В настоящее время лицо вправе получать соразмерное вознаграждение за выполнение функций доверительного собственника, в том числе в трастах, созданных для реализации благотворительных целей («charitable purposes»).

Другой тенденцией XXI века является попытка признания траста в зарубежных юрисдикциях, отличных от стран англо-саксонской правовой семьи. Безусловно, что ключевое отличие института траста и его аналогов в романо-германской правовой семье заключается в различном понимании права собственности английскими и континентальными юристами⁵⁷: англо-саксонская конструкция «доверительной собственности» противоречит классической концепции невозможности передачи лицом большего количества прав, чем он имеет. Мы наблюдаем некое «расщепление» собственности, при котором считается, что доверительный собственник обладает правом собственности по common law (legal ownership или legal title), а бенефициар – по праву справедливости (equitable ownership)⁵⁸. В английском праве такая возможность

---

⁵⁷ Hansmann H., Mattei U. The Functions of Trust Law: A Comparative Legal and Economic Analysis. New York University Law Review, vol. 73, no. 2, 1998. P. 465.

⁵⁸ Как отмечает Дж.Е. Пеннер, «equitable ownership» бенефициара и «legal ownership» доверительного собственника не конкурируют между собой: скорее, право собственности бенефициара является производным (derivative) от «legal title» доверительного собственника, поскольку только таким образом бенефициар и приобретает имущественный интерес (Penner J.E. The Law of Trusts. Oxford University Press, 2016. P. 26).

появляется, поскольку траст представляет собой вещно-правовую конструкцию, а не обязательственную, что подчёркивает переход к доверительному лицу именно правомочия, а не только обязанности совершить какое-либо действие с имуществом.

Представляется неверным сопоставление траста с ограниченным вещным правом в романо-германской правовой семье и, тем более, с договором. Однако в континентальной модели предпринимаются попытки урегулировать некоторые аспекты «трастовых» правоотношений не вещным, а обязательственным правом⁵⁹, в частности, договором доверительного управления с элементами агентского соглашения. Всё же данное сравнение не совсем корректно, так как конструкция траста предполагает отделение имущества от личности учредителя, но при этом речь не идёт о создании юридического лица (в отличие, например, от того же наследственного фонда в РФ), характерным признаком которого является наличие обособленного имущества.

Более того, на «трастовое имущество», согласно англо-саксонской модели, не может быть обращено взыскание. В данном случае речь идёт о так называемом «insolvency effect», который преодолевается при помощи принципа разделения имущества (the principle of segregation) доверительного собственника: «трастовое» имущество отделяется от иного, находящегося в собственности лица⁶⁰. Иными словами, подчёркивается самостоятельность данного института: траст будто выступает неким квази-субъектом права.

---

⁵⁹ В этой связи необходимо указать точку зрения Ф.У. Мейтленда, согласно которой трасты вряд ли возникли бы среди людей, ясно сформировавших различие между вещными правами (in rem) и правами обязательственного характера (in personam) и сделавших это разграничение основой правовой системы (Maitland F.W. Maitland: State, Trust and Corporation. Edited by David Runciman and Magnus Ryan. Cambridge University Press, 2003. P. 77).

Стоит подчеркнуть, что, хотя английскому праву известны конструкции in rem и in personam, они всё же не столь явные, как в континентальных правовых порядках. Поэтому точка зрения о том, что права выгодоприобретателя якобы являются правами in rem, представляется не совсем корректной.

⁶⁰ Gold J. Trust Funds in International Law: The Contribution of the International Monetary Fund to a Code of Principles. The American Journal of International Law, vol. 72, no. 4, 1978. P. 863; Graziadei M., Mattei U., Smith L. Commercial Trusts in European Private Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 9.

Напротив, договор доверительного управления, будучи обязательственной формой общественных отношений, направленной на реализацию имущества, закрепляет, что оно не переходит в собственность доверительному управляющему, а остаётся у учредителя управления. Таким образом, на данное имущество обращение взыскания возможно.

Конечно, нельзя однозначно говорить о полном несоответствии конструкций исконного английского траста и производных от него институтов, существующих в странах романо-германской правовой семьи. Так, М. Лупой отмечает, что если бы трасты, как утверждает большинство, противоречили основным допущениям (assumptions), существующим в цивилистических юрисдикциях (civil law systems), то правопорядки должны бы реагировать одинаковым образом, а именно – отвергать конструкцию траста⁶¹.

В качестве аргументов в пользу уникальности английских трастов и невозможности переноса в иную правовую семью иногда приводятся тот факт, что бенефициары могут привлечь к ответственности третьих лиц, которые недобросовестно приобретают «трастовое» имущество, а также невозможность объяснения при помощи обязательно-правового «взгляда» привлечения к уголовной ответственности⁶². Между тем, данные аргументы опровергаются Дж.Л. Греттоном, так как существуют и в романо-германской правовой семье и не представляют собой отличительные особенности института траста⁶³.

---

⁶¹ Lupoi M. The civil law trust. *Vanderbilt Journal of Transnational Law* 32, no. 4 (1999): 967. Gale General OneFile. URL: <https://link.gale.com/apps/doc/A58118603/ITOF?u=heic&sid=ITOF&xid=771d1911>.

⁶² «Another objection to the "obligational" view of the trust is that it does not explain why breach of trust may attract criminal sanctions» (Gretton G. *Trusts without Equity*. *International and Comparative Law Quarterly*, vol. 49, 2000. P. 602).

⁶³ *Ibid.* P. 602.

Заключение

Таким образом, несмотря на существующее взаимопроникновение правовых систем, отдельные институты остаются характерными историческими особенностями. Среди таковых можно выделить и институт траста, представляющий собой свойственный англо-саксонской модели способ имущественной организации оборота, которому присущ вещно-правовой, а не обязательственный эффект.

Попытки дать однозначно верное определение трасту в большинстве случаев являются безуспешными, однако XX-XXI века характеризуются законодательным закреплением положений о трасте в Законах от 1925, 1961, 2000 годов. Изменяется подход к ранее неопределённым понятиям: «заботливость» при возложении обязанностей на доверительного собственника определяется через объективные категории, чёткость критериев стандарта трёх фактов подвергается сомнению.

Лакуны, связанные с реализацией «трастовых» правоотношений в континентальной модели, порождают в последнем столетии создание аналогов традиционного английского института, зачастую являющихся обязательно-правовыми конструкциями. Есть основание полагать, что такие попытки не только не учитывают самобытность правовой культуры Англии, но и отрицательно сказываются на понимании природы траста: континентальный цивилистический подход сталкивается с отсутствием как таковой отрасли гражданского права в английском праве (трасты изучаются отдельно в рамках *Trusts Law*)⁶⁴. К тому же, традиционно ошибочно не учитывается фундаментальная особенность института траста – расщепление права собственности на титул по общему праву и титул по праву справедливости.

---

⁶⁴ «... one must acknowledge that common law scholars have tried their best to confuse the issues for civil law scholars» (Lupo M. The civil law trust. *Vanderbilt Journal of Transnational Law* 32, no. 4 (1999): 967. Gale General OneFile. URL: <https://link.gale.com/apps/doc/A58118603/ITOF?u=hiac&sid=ITOF&xid=771d1911>).

Список использованных источников и литературы

Работа подготовлена с использованием системы КонсультантПлюс.

Нормативные-правовые акты

1. The Trustee Act 1893.
2. The Law of Property Act 1925.
3. The Trustee Investments Act 1961.
4. The Trustee Act 2000.
5. Гаагская конвенция о праве, применимом к трастам и их признанию от 1 июля 1985 г. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/specialised-sections/trusts>.
6. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021).
7. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)" от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 09.03.2021).
8. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья)" от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019).

Монографии, диссертации и научные статьи

1. Chaplin S. Destruction of Express Trusts by Merger. *Columbia Law Review*, vol. 3, no. 3, 1903, pp. 155-167.
2. Costigan G. The Classification of Trusts as Express, Resulting, and Constructive. *Harvard Law Review*, vol. 27, no. 5, 1914, pp. 437-463.
3. Duddington J. *Law Express: Equity and Trusts*. Pearson, 2019.
4. Garner B.A. *Black's Law Dictionary* / ed. by Bryan A. Garner. – Ninth Edition. – West. A Thomson Reuters business, 2009.
5. Gold J. Trust Funds in International Law: The Contribution of the International Monetary Fund to a Code of Principles. *The American Journal of International Law*, vol. 72, no. 4, 1978.

6. Graziadei M., Mattei U., Smith L. Commercial trusts in European private law. Cambridge University Press, 2005.
7. Gretton G. Trusts without Equity. *International and Comparative Law Quarterly*, vol. 49, 2000, pp. 599-620.
8. Gvelesiani I. Trust-like mechanisms – effective tools for boosting the competitiveness of the EU – theoretical and terminological insights. *CES Working Papers*. 2017; 9 (3): pp. 313-330.
9. Hansmann H., Mattei U. The Functions of Trust Law: A Comparative Legal and Economic Analysis. *New York University Law Review*, vol. 73, no. 2, 1998.
10. Howard C. Trust Funds in Common Law and Civil Law Systems: A Comparative Analysis. *University of Miami International & Comparative Law Review*, vol. 13, no. 2, 2005.
11. Lupoi M. The civil law trust. *Vanderbilt Journal of Transnational Law* 32, no. 4 (1999): 967. Gale General OneFile. URL: <https://link.gale.com/apps/doc/A58118603/ITOF?u=hiec&sid=ITOF&xid=771d1911>.
12. Maitland F.W. *Maitland: State, Trust and Corporation*. Edited by David Runciman and Magnus Ryan. Cambridge University Press, 2003.
13. Mitchell C. *Constructive and Resulting trusts*. Oxford: Hart Publishing, 2010.
14. Moffat G. *Trusts Law: text and materials*. Cambridge, 2005.
15. Panesar S. *Equity and Trusts*. Pearson, 2017.
16. Penner J.E. *The Law of Trusts*. Oxford University Press, 2016.
17. Pettit P.H. *Equity and the Law of Trusts*. Oxford University Press, 2012.
18. Ramjohn M. *Beginning Equity and Trusts*. Routledge, 2013.
19. Scott A.W. The Trust as an Instrument of Law Reform. *The Yale Law Journal*, vol. 31, no. 5, 1922, pp. 457–468.

20. Sitkoff R.H. Trust Law as Fiduciary Governance Plus Asset Partitioning in The Worlds of the Trust (L. Smith ed., 2013), pp. 428-453.
21. Smith L. Re-Imagining the Trust: Trusts in Civil Law. Cambridge University Press, 2012.
22. Tettenborn A. Trust Property and Conversion: An Equitable Confusion. The Cambridge Law Journal, vol. 55, no. 1, 1996, pp. 36-42.
23. Whitlock A. N. Classification of the Law of Trusts. California Law Review, vol. 1, no. 3, 1913, pp. 215-221.
24. Wilson W.A. Trust and Trust-like devices. United Kingdom National Committee of Comparative Law, 1981.
25. Youdan T.G. Formalities for Trusts of Land, and the Doctrine in Rochefoucauld v. Boustead. The Cambridge Law Journal, vol. 43, no. 2, 1984, pp. 306-336.
26. Беневоленская З.Э. Доверительное управление имуществом в сфере предпринимательства: монография. – Москва: Проспект, 2017. – 304 с.
27. Беневоленская З.Э. Право доверительной собственности и перспективы его развития в России. Журнал международного частного права, №3(9), 1995. С. 20-46.
28. Дождев Д.В. Международная модель траста и унитарная концепция права собственности // Человек и его время: Жизнь и работа Августа Рубанова / Сост. и отв. ред. О.А. Хазова. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 251-286.
29. Ершов В.А. Траст и доверительное управление имуществом: сравнительно-правовой и практический анализ. – Москва, 2009. – 168 с.
30. Нарышкина Р.Л. Доверительная собственность в гражданском праве Англии и США / Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы. Кафедра гражданского и уголовного права; Р.Л. Нарышкина. – М., 1965. – 37 с.

31. Паничкин В. Б. Англо-американское трастовое право: монография. – Москва: Проспект, 2020.
32. Рыбалов А.О. Право собственности (комментарий к ст. 209 ГК РФ) [Электронное издание]. – М.: М-Логос, 2017.
33. Соколова Н.В. Доверительная собственность (траст) в континентальной Европе. М.: Инфотропик Медиа, 2012.
34. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. – М.: Статут, 2014. – 456 с.
35. Турышев П.В. Траст и договор доверительного управления имуществом: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03. – Москва, 1997. – 162 с.
36. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. М., 1995.

Судебная практика

1. Adams and Kensington Vestry, Re [1884] 27 Ch D 394, CA.
2. Attorney General for Hong Kong v Reid (New Zealand) (UKPC) [1993].
3. Baden's Deed Trusts (No. 2), Re [1973] Ch 9, CA.
4. Blackwell v. Blackwell [1929] AC 318.
5. Comiskey v Bowring-Hanbury [1905] AC 84, HL.
6. Diggles, Re [1888] 39 Ch D 253.
7. Duke of Marlborough, Re; Davis v Whitehead [1894] 2 Ch 133.
8. Golay, Re [1965] 1 WLR 969.
9. Hodgson v. Marks [1971] 1 Ch 892, CA.
10. Hunter v. Moss [1994] 1 WLR 452.
11. IRC v. Broadway Cottages Trust [1955] Ch 20, 29, per Jenkins L.J.

12. Jones v. Lock [1865] LR 1 Ch App 25.
13. Knight v. Knight [1840] 3 Beav 148.
14. London Wine Co. (Shippers) Ltd, Re [1986] PCC 121, HC.
15. Lawson v Coombes [1999] Ch 373.
16. McPhail v. Douulton [1971] AC 424 HL.
17. Palmer v. Simmonds [1854] 2 Drew 221.
18. Paul v. Constance [1977] 1 WLR 527.
19. R v District Auditor No 3 Audit District of West Yorkshire MCC [1986] RVR 24.
20. Rawstron and another (Executrices of the Estate of Lucian Freud) v. Freud [2014] EWHC 2577 (Ch).
21. Richards v. Delbridge [1874] LR 18 Eq 11.
22. Rochefoucauld v. Boustead [1897] Ch 196 (CA).
23. Speight v Gaunt [1883] UKHL 1.
24. Tinsley v. Milligan [1994] 1 AC 340, HL.
25. Vandervell's Trusts (No. 2), Re [1974] Ch 269, CA.
26. Wallbank and Wallbank v. Price [2008] 2 FLR 501.